Эваристъ Линъ

СОЖЖЕННЫЙ САДЪ

СТИХИ

ПАРИЖЪ

1920 г.

ОСКАРУ.

Повѣрь! Не этотъ темный градъ
Меня заставилъ передумать
И не уйти отъ злого шума
Въ обѣтованный вертоградъ,

Но неоконченный обрядъ
И жреческое покрывало...
Вотъ что теперь мнѣ помѣшало
Съ тобой соединиться братъ.

Октябрь, 1919.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ СМЕРТИ И ОДНОГО ОТЧАЯНІЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДОРОГОМУ ОСКАРУ.

Я поднимаю мой бокалъ
Голубоватаго напитка,
Чтобъ гналъ быстрѣй густую кровь
По мертвымъ венамъ пламень жидкій!

Но кто-то тихо подошелъ...
И ты уже межъ нами — третій,
И та-же улыбка, что тогда,
И та же грусть незримо свѣтитъ,

И тотъ же мексиканскій плащъ,
И карабинъ твой скорострѣльный...
Кто не погибъ въ бою — влачи
Остатокъ жалкихъ дней безцѣльно.

И наливай полнѣй бокалъ
Голубоватаго напитка,
Чтобъ гналъ густую кровь быстрѣй
По мертвымъ венамъ пламень жидкій!

30 ноября, 1919.

МАМѢ.

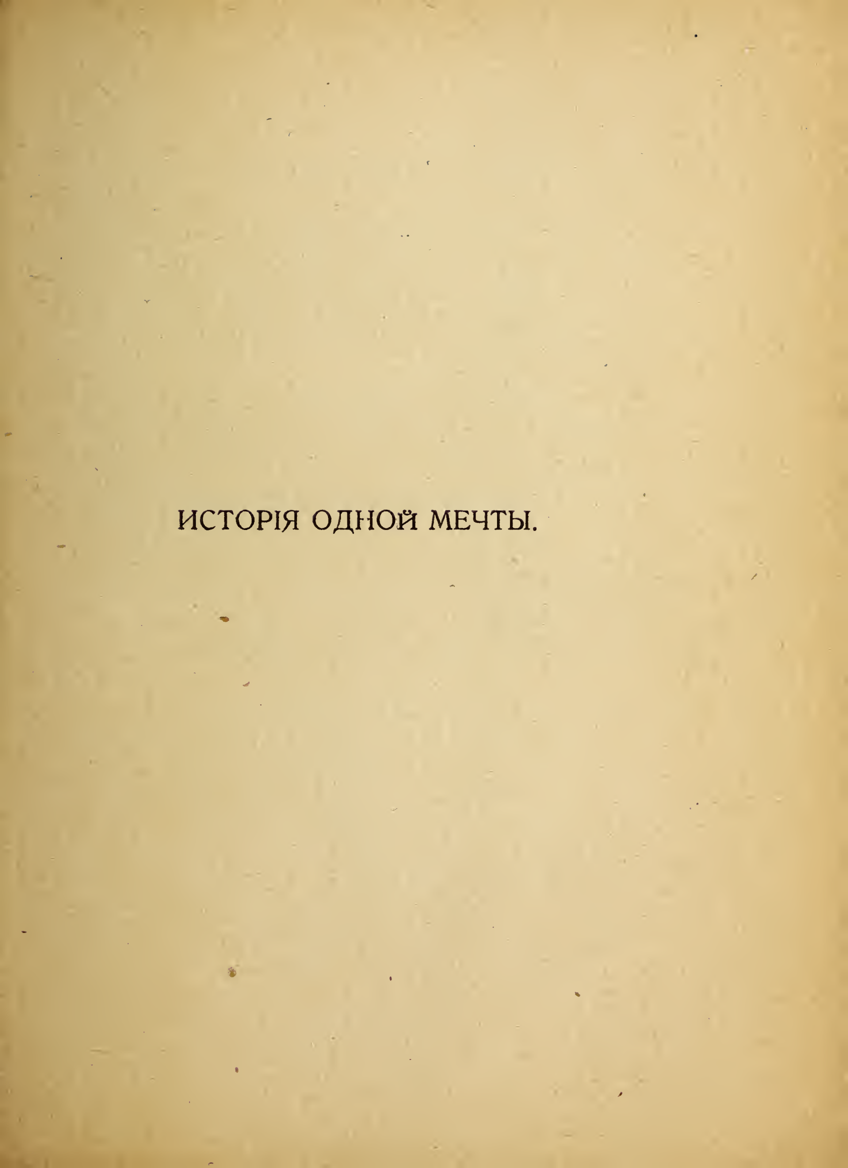
У меня родная мать гдѣ-то есть...
И когда я хотѣлъ у ногъ ея присѣсть;

И когда-то у меня былъ и братъ...
И когда то былъ я этой свѣтлой жизни радъ,

Но кровавый потокъ меня унесъ,
И остался я совсѣмъ одинъ: сиръ, нагъ и босъ.

И теперь мнѣ уже не взвиться въ высь.
За меня, родная, ты тамъ... вдали помолись!

Ноябрь, 1919.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ МЕЧТЫ.

ОЛЬГѢ ВЛАДИМИРОВНѢ РАХМАНОВОЙ.

Обшивка стѣнъ и мебель акажу...
Любимыхъ книгъ любимый рядъ названій...
Я, какъ дитя, съ улыбкой подхожу
Къ душистой и едва горячей ваннѣ...

А на столѣ фарфоровый сервизъ
Ласкаетъ взоръ своей окраской синей...
Да, ты прекрасенъ старый мой девизъ:
"Жить безъ тревоги и не знать гордыни".

А потолокъ, какъ голубой шатеръ...
Портьеры желтыя съ цвѣтками бѣлыхъ лилій...
Я тѣло масломъ розовымъ натеръ,
Чтобъ вы меня еще сильнѣй любили!

Такъ намъ, влюбленнымъ въ яркіе тона,
Дано избѣгнуть горечь жизни сѣрой...
Такъ лейте, лейте алаго вина
Въ честь Уистлера.

Мартъ, 1919.

РИВЪ.

Опять меня влечетъ водоворотъ.
Плыви быстрѣе къ золотой пучинѣ!
Уже давно мнѣ снился алый ротъ
Какой-то дѣвушки въ туникѣ синей,

И я предчувствовалъ, что будетъ день, когда
Ты бросишь вѣтру золотыя косы
И предо мной, не вѣдая стыда,
Ты будешь танцевать нагой и босой.

И будетъ день... И будетъ свѣтлый май..,
И будутъ на травѣ лежать одежды...
Такъ подожди, дитя! Не отнимай
Моей послѣдней радостной надежды, —

Души тоску! Иди въ водоворотъ,
Плыви быстрѣе къ золотой пучинѣ!...
Уже давно мнѣ снился алый ротъ
Какой-то дѣвушки въ туникѣ синей.

Іюль, 1919.

VISION ANTIQUE.

Услада тихая для взора
    Твои дома.
Тамъ, позади, въ странѣ раздора —
    Тюрьма.
Прямыя линіи, колонны
    И купола...
Все то, чѣмъ родина Солона
    Влекла.
Все вновь передо мной воскресло.
    Ликуй нагой!
Едва прикрыты дѣвы чресла
    Цвѣтной дугой.
А гдѣ то веселится море,
    Шумитъ прибой...
Такъ жить, безтрепетно, не споря,
    Съ судьбой,
Смотря на строгія колонны
    И купола,
На все, чѣмъ родина Солона
    Влекла.

Апрѣль, 1919.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РАЙ.

Ходите, дѣвушки, нагими,
Какъ дѣти ходятъ.
Вначалѣ тихо слагайте гимны
Красѣ природѣ,
Потомъ пусть пѣснь станетъ звонкой,
Какъ звонъ метала.
О, не о томъ ли еще ребенкомъ
Ты возмечтала?
Какъ созерцанье тѣлъ прекрасныхъ
Покоитъ очи!
О, духъ мой свѣтлый! О, духъ мой ясный,
Ты — непороченъ!
Такъ пойте-жъ дѣвы, свои напѣвы,
Не уставая!
Приходятъ снова Адамъ и Ева
Къ воротамъ рая...

Мартъ, 1919.

ОЛѢ.

Часъ опьяненья — часъ освобожденья
От темныхъ силъ.
"Откуда это ангельское пѣнье?"
Я такъ спросилъ,
И, улыбаясь, дѣва отвѣчала:
"Душа поетъ".
И выпила изъ моего бокала
Душистый медъ.
И я спросилъ: "Откуда эта вѣра,
Что есть добро"?
Роздай толпящимся въ одеждахъ сѣрыхъ.
Все серебро,
И роздари ненужные каменья,
Къ чему они?
Мы будемъ слушать ангельское пѣніе
Одни.

Апрѣль, 1920.

***

Вино и сизый дымъ сигары
И дѣвушки вокругъ меня.
И я—поэтъ еще не старый —
Бокаломъ о бокалъ звеня,
Скажу: "Друзья, пьемъ за Ронсара"!
Скажу: "Друзья, пьемъ за меня"!
Что можетъ сердцу быть милѣй?
Съ чѣмъ эта жизнь можетъ сравниться?
Вези вдоль рытвинъ и колей
Поэта пьянаго, возница.
А ты, мой другъ, вина налей:
Поэту надо веселиться!

Декабрь, 1918.

***

О, почему природа не дала
Тебѣ въ удѣлъ божественнаго тѣла?
Тогда-бъ душа моя спокойно расцвѣла
И вѣчно радостная — пѣла,
Тогда, надѣвъ вѣнокъ, какъ Діонисъ,
Я пилъ бы взоромъ свѣжесть юной дѣвы
И лился-бъ свѣтъ въ окно, и тихо висъ
Надъ непорочнымъ тѣломъ Женевьевы...
Потомъ тебѣ-бъ я далъ испить вина,
Плодовъ душистыхъ, грозди винограда,
И посѣтила-бъ сердце тишина
И безконечная отрада.

Май, 1920.

ОЛѢ.

Повѣрь, мое дитя! Я слушалъ
Не эту жизнь, а иной мотивъ,
Когда въ садахъ душистыхъ плодъ я кушалъ,
Когда смотрѣлъ въ бокалъ, виномъ его на-
ливъ.
И въ этотъ мигъ рождалися восторги
Такой непобѣдимой красоты,
Что въ темномъ мірѣ, въ этомъ страшномъ
моргѣ,
Я воскрешалъ всѣ дѣтскія мечты.
И мертвые не поднимались съ мѣста,
Чтобъ бросить вновь оставшимся упрекъ,
Когда я пилъ вино... и ты, моя невѣста,
Полулежала возлѣ моихъ ногъ.

Мартъ, 1920.

Уже становится закатнымъ
Часъ лихорадочной любви.
Мнѣ раньше были непонятны
Слова спокойные твои.

Но голодъ вынесъ мое тѣло
Изъ плѣна низменныхъ страстей
И ты безшумно завладѣла
Растроганной душой моей.

Въ морозный день мы сядемъ въ сани
Лица едва коснется мѣхъ...
Намъ будетъ слабое касанье,
Какъ людямъ первородный грѣхъ,

Мы будемъ медленно, безъ страсти,
Пѣть въ юномъ хорѣ, а потомъ,
Пить золотую влагу Асти
Съ прозрачнымъ синеватымъ льдомъ.

И если вспомню я о старомъ,
Не бойся и вернѣе цѣль,
Моя, моя навѣки Сарра,
Твой навсегда АКСЕЛЬ.

Декабрь, 1918.

ДѢТСТВО. ЕЛЕНѢ Ц.

Ночь. Лунный свѣтъ. Снѣгъ хруститъ.
Кто тебя въ эту ночь не проститъ?
Милый! Какъ мою невѣсту зовутъ?
Снѣгъ хруститъ. Прохожіе идутъ.
Милый! Какъ зовутъ жениха?
Высокая луна. Ночь тиха.
Такъ бы жить, такъ бы жить мнѣ всегда,
Чтобы шли незамѣтно года...
Ночь. Лунный свѣтъ. Снѣгъ хруститъ.
Кто тебя въ эту ночь не проститъ?

1914.

ДѢТСТВО. ЕЛЕНѢ Ц.

Худыя голенькія ножки...
Ты въ дѣтскомъ платьицѣ въ саду...
И я по узенькой дорожкѣ
Тебя веду.
Міръ невеликъ. Немного надо.
Какъ хорошо, что мы вдвоемъ,
По узенькой дорожкѣ сада
Идемъ!

1914.

***

Когда ты смотришь на людскія лица
На звѣрскія кощунственныя маски
Опять тоска подъ сердцемъ шевелится
И вспоминается клинокъ Дамасскій.
И снова думаешь о силномъ тѣлѣ
О бронзовой, литой мускулатурѣ
О стройныхъ дѣвахъ съ поступью газели
О легкихъ танцахъ обнаженныхъ гурій.
Быть можетъ мнѣ — разбитому калѣкѣ
Не испытать блаженной этой встрѣчи
Но пусть судьба въ меня изъ лука мечетъ
Ей не убить моей мечты вовѣки.

Май, 1919.

...И ЮНЫХЪ ДѢВЪ УСТРЕМЛѢНЫ

НА ВАСЪ ВНИМАТЕЛЬНЫЯ ОЧИ...

ОЛѢ.

Такъ молодое сердце расцвѣтало
Отъ нѣжности, отъ близости со мной,
А я слѣдилъ за ней, счастливый и усталый,
Но не дѣлилъ восторгъ ея земной.

Ты долженъ охранять ея порывы,
Благословлять ея дѣвичій пылъ.
Кто виноватъ, что дивнаго мотива
Ты потерялъ слова и смыслъ забылъ?

Пусть молодое сердце расцвѣтаетъ...
Оберегай, храни невинный цвѣтъ,
И пусть другое старческое — знаетъ,
Что въ этой жизни — лучшей доли нѣтъ!

Февраль, 1920.

ОЛѢ.

Я оцвѣтаю, тихо оцвѣтаю...
Передъ тобой старикъ, мое дитя,
Но травы нѣжности скорѣй произрастаютъ
Когда страданья душу укротятъ.

И я слѣжу за легкой поволокой,
Твоихъ большихъ, неомраченныхъ глазъ.
Да! Не напрасно мы прочли у Блока
Про тихую любовь разсказъ;

О дѣвушкѣ, и о церковномъ хорѣ,
О тѣхъ, кто погибалъ въ чужомъ краю,
И о твоемъ неомраченномъ взорѣ,
И про судьбу печальную мою.

Утро, 28 ноября, 1919.

ОЛѢ.

Что полюбилъ я? Тишину ли глазъ,
Иль тишину твоихъ рукопожатій,
Иль ту печаль, что такъ сближаетъ насъ,
Когда душа веселіе утратитъ?
Я сохраню надолго теплоту,
Что ты дала мнѣ въ дни жестокой стужи
И буду помнить незабвенно ту,
Кому мой даръ и скромный подвигъ нуженъ.

Октябрь, 1919.

РИВѢ.

Когда я понялъ, что тобою правитъ
Не тотъ порывъ и не такой экстазъ,
Что твой холодный умъ тебя заставитъ
Бѣжать отъ искрометныхъ глазъ. —

Я потушилъ взметнувшееся пламя
И отошелъ, и замеръ, и затихъ...
И то, что ты жила, вѣщаетъ только память
И этотъ безпечальный стихъ.

Іюль, 1919.

Воспитывай въ себѣ успокоенье...
Не увлекайся сразу... Подожди,
Пока послѣдній трепетъ и волненіе
Угаснутъ безъ слѣда въ груди —

Тогда, протягивая тихо руки,
Впивая сладкій ароматъ волосъ,
Заколыбель ее и убаюкай,
Какъ колыбелитъ мѣрный шумъ колесъ.

Покачиваясь въ гамакѣ гашиша,
Твердя всю ночь печальные стихи,
Ты на зарѣ навѣрно не услышишь,
Какъ прокричатъ о солнцѣ пѣтухи!..

Іюль 1918.

***

Я похитилъ тебя и вдаль умчалъ
На огнедышащемъ автомобилѣ;
И пилъ съ тобой безумство по ночамъ,
А по утрамъ мы тишину и нѣжность пили.

И такъ нашъ духъ весельемъ опьяня
Мы забывали дни тоски, труда и горя.
Когда-жъ бокалъ мой пѣлъ и ввысь летѣлъ
звеня,
Сокрытый хоръ ему согласно вторилъ.
Когда же вдругъ граненое стекло
Вдругъ перелилось свѣтомъ синимъ, желтымъ,
алымъ,
Ты улыбнулась тихо и свѣтло
И погрузила взоръ на дно бокала.

И огненные духи на стѣнѣ
Уже плясали съ духами Фалерна...
И мы кружились, позабывъ въ винѣ,
Дни скорби и утратъ безмѣрныхъ.

Февраль, 1920.

***

Она сгибалась, какъ цвѣтокъ,
Подъ бурей страсти слишкомъ ранней,
И я спасти ее не могъ
Отъ набѣгавшихъ волнъ желаній.

Мнѣ была смерть ея сладка...
И сердце тайно ликовало,
Когда отъ перваго глотка
Она сорвала покрывало.

Тотъ, кто извѣдалъ хоть на мигъ
Блаженство этой власти новой,
Кто, какъ она, безмолвно никъ,
Подъ взорами змѣи очковой —

Тотъ содрогнется и пойметъ
Того, кто въ чашѣ ядъ подноситъ
И ту, кто эту чашу пьетъ
И этой сладкой смерти проситъ;

Того, кто хочетъ, какъ Икаръ,
Хоть для смертельнаго полета,
Взлетѣть къ прозрачнымъ облакамъ
Изъ темныхъ зарослей болота.

Мартъ, 1918

ЭКЛЕЗІАСТЪ.

Я былъ царемъ и былъ мудрѣе всѣхъ,
И были всѣхъ полнѣй мои подвалы
Но я усталъ отъ власти и утѣхъ
И голова моя отъ думъ устала.
Мечтай мудрецъ, но ты умрешь какъ тотъ,
Который жилъ невѣждою не зная
Гдѣ солнце прячется и гдѣ его восходъ,
И кто народу далъ скрижаль Синая.
Тамъ будетъ мракъ, а здѣсь душистый зной.
Едва замѣтное теченье Іордана
И знай, мой сынъ, что нѣтъ страны земной
Прекраснѣй и обильнѣй Ханаана
И знай, что у тебя на склонѣ дней
Не будетъ преданнѣй и ласковѣй подруги
Такъ не таись, не стой, не цепенѣй
Не прячь отъ дѣвушки свой станъ упругій. х
Любовную бесѣду съ ней веди
И дѣвушка внезапно покраснѣетъ.
Тогда на смуглой, выпуклой груди
Пусть ротъ твой поцѣлуй запечатлѣетъ;
И пусть кругомъ васъ люди и стада,
И пастухи, и горныя собаки
Лицо свое не прячь ты отъ стыда,
И не стирай минувшей страсти знаки.
Тамъ будетъ мракъ, а здѣсь душистый зной
Едва замѣтное теченіе Іордана.
И знай мой сынъ, что нѣтъ страны земной
Прекраснѣй и обильнѣй Ханаана.

1915.

***

Ты заглушаешь только совѣсть
    Меня лаская, — пусть!
Тобой написанную повѣсть
    Ты знаешь наизусть.
И вотъ теперь тебя къ предѣламъ
    Уже влечетъ инымъ.
Я встрѣтила тебя несмѣлымъ,
    Разбитымъ и больнымъ.
И я согрѣла твое тѣло
    Дыханіемъ своимъ...
И вотъ теперь тебя къ предѣламъ
    Уже влечетъ инымъ.
Тобой написанную повѣсть
    Ты знаешь наизусть.
Ты заглушаешь только совѣсть
    Меня лаская, — пусть!

Январь, 1920.

*
* *

Я зналъ, что тишина покоя
Грядущаго не отвратитъ,
Что вновь веселье роковое
Меня внезапно посѣтитъ,

И той, что тихо—безглагольно
Мнѣ отдала судьбу свою,
Я стану палачомъ невольно,
Когда взлечу и запою.

Такъ не пускай, младая дѣва,
Меня на дѣвичій порогъ,
Не слушай страннаго напѣва
Моихъ полудремотныхъ строкъ!

Я только призракъ неизбѣжный
Твоей восторженной души...
О, дѣва! Подъ покровомъ снѣжнымъ
Взметнувшійся огонь туши!

Храни монахиней суровой
Со мной молчанія обѣтъ:
Я не хочу, чтобъ жертвой новой
Опять прославился поэтъ!

Февраль, 1920.

ЕЛЕНѢ Ц.

Какъ хорошо повиноваться
Твоимъ ласкающимъ рукамъ...
Душа устанетъ волноваться,
Покою сердце я предамъ
И буду тихо прикасаться
Къ твоимъ ласкающимъ рукамъ...
    Живу надеждой, что свершится
    Моя мечта когда нибудь...
    Тебя прельстятъ другія лица...
    Другой я поцѣлую грудь...
    Но неизбѣжное свершится
    Когда нибудь!
Я буду тихо прикасаться
Къ твоимъ ласкающимъ рукамъ...
Душа устанетъ волноваться,
Покою сердце я предамъ...
Какъ хорошо повиноваться
Твоимъ ласкающимъ рукамъ!

Парижъ, 1915.

ЕЛЕНѢ Ц.

Въ этотъ вечеръ я опять былъ тѣмъ
Прежнимъ — нѣжнымъ, ласковымъ и слабымъ.
Я хотѣлъ, чтобъ въ каждой изъ моихъ поэмъ
Ты мою любовь прочесть могла бы!
Но потомъ, когда я шелъ домой,
Я подумалъ: "Боже мой, къ чему же
Я раскрылъ внезапно предъ тобой
Мою тайну дѣтски неуклюже?"
И тогда, не торопясь,
Подошелъ я къ первой встрѣчной
И, обнявъ ее безпечно,
Я сказалъ: "Сударыня, здѣсь — грязь!"
Какъ легко, совсѣмъ легко кружить
Гибкое податливое тѣло!...
Нѣтъ! Пока не надоѣло
Буду уличной любовью жить!

Сентябрь, 1917.

РЕЗИ.

Все равно, что случится на небѣ,
Все равно, чѣмъ судьба мнѣ грозитъ,
Только пусть черепаховый гребень
Изъ волосъ своихъ вынетъ Рези!
Потекутъ золотые потоки,
Захлеснутъ меня рыжей волной,
Я прославляю земные пороки,
Наслажденье и грѣхъ земной.
И когда среди тихаго бреда
Я узнаю, что кто-то давно
Твой неистовый натискъ извѣдалъ,
Выпивъ грудь твою, словно вино, —
Я скажу тебѣ просто и кротко:
"Не пугайся меня и грѣши!
"Не коснется ремянная плетка
Твоей дѣтской порочной души".

Іюль, 1918.

Въ дни когда радость
на исходѣ...

МАМѢ.

Въ дни, когда радость на исходѣ,
И смерть, какъ самый вѣрный другъ
Не покидаетъ, не отходитъ,
Не разжимаетъ цѣпкихъ рукъ,
Въ дни, когда радость на исходѣ,
Тебя я вспоминаю вдругъ.
    Все молчаливые упреки....
    Твои надежды на меня...
    И крикъ, когда въ ночи глубокой
    Взнуздалъ внезапно я коня"
    Все молчаливые упреки
    Мнѣ снова сердцпе леденятъ.
Прости, родная, Эвариста,
Ни въ чемъ меня не упрекай:
Когда то пламенно и чисто
Любилъ я этотъ страшный край.
Прости, родная, Эвариста
И павшаго не добивай!

Лѣто, 1918.

***

Въ дни пресыщенія жизнь кажетъ
Свой темный, безотрадный ликъ.
И даже тотъ, кто былъ отваженъ,
Кто къ бурямъ и огню привыкъ
Падетъ въ тоскѣ и тихо скажетъ:
Все кончено... И я старикъ!“

И будетъ смерть, какъ избавленіе,
И будетъ тошнота и муть...
И тошнота и цѣпененье
Покроютъ хладнымъ потомъ грудь.
И злой колдунъ Бѣсъ Пресыщенія
Начнетъ отходную тянуть...

ОЛѢ.

Твои объятія — спасеніе,
Твой вѣрный и надежный щитъ,
Когда тоска и отвращеніе
Меня внезапно посѣтитъ.
И дѣтскій взглядъ меня отводитъ
Отъ темныхъ изступленій зла,
Когда надежды на исходѣ,
И радость въ сердце умерла.

Май, 1920.

МАМѢ.

За впалыя худыя щеки
И за волосъ сѣдую прядь
Со сладострастіемъ жестокимъ
Себя я буду бичевать!
За то, что ты меня молила
Не уѣзжать въ глухую ночь;
За то, что я теперь не въ силахъ
Тебѣ покинутой помочь;
За то, что ты грустишь о сынѣ,
Пропавшемъ въ варварской странѣ;
За то, что смерть рукою синей
Зловѣще угрожаетъ мнѣ;
За то, что я, какъ звѣрь голодный,
Стою часами у витринъ;
За то, что въ комнатѣ холодной
Нетопленъ ледяной каминъ;
За каждый мигъ твоей тревоги,
За твой неудержимый плачъ, —
Мой приговоръ безмѣрно строгій,
Исполнитъ радостно палачъ!

Зима, 1917.

ЖИЗНЬ.

Узелъ стянулся уже...
Не уйти отъ семейныхъ путь...
Боже! Кому онъ нуженъ
Мой незамѣтный уютъ?
    Шелъ я невидной дорогой...
    Шелъ еле зримой тропой...
    Боже! Кого онъ трогалъ
    Мой незамѣтный покой?
Сердце давно устало
Мать безъ конца сожалѣть...
О, если-бъ вдругъ оно стало
Твердымъ, какъ мѣдь!

1915.

МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Тотъ, кто молилъ ихъ о пощадѣ,
Тотъ первый умиралъ.
И тотъ, кто былъ въ звѣриномъ стадѣ,
Тотъ самъ, какъ звѣрь рычалъ.
И каждый думалъ, что великій
Онъ подвигъ совершалъ!

И каждый думалъ, что за счастье
Онъ борется другихъ,
Когда бросалъ въ могилу мертвыхъ,
А съ ними и живыхъ,
Когда онъ добивалъ прикладомъ,
Чтобъ врагъ на вѣкъ затихъ!

И каждый думалъ, что послѣдній
Онъ тяжкій крестъ несетъ,
Что милосердіе настанетъ
Какъ только врагъ падетъ,
Что свѣтлый образъ Эвариста
Въ его душѣ живетъ...

А были просто, что любили
Зазорную игру —
Они смѣялись, жгли, рубили,
Плясали на пиру.
Тѣ не дадутъ пощады брату
И оскорбятъ сестру!

***

Семь дней насъ смерть подстерегала,
Семь безконечныхъ дней...

А людямъ было крови мало
И кровь лилась сильнѣй.
Но кто благословилъ убійство —
Жди гибели своей!

⁂

Когда глаза твои закрыты
Легко врага убить,
Не страшно запалить станицу,
До тла ее спалить,
Легко того, кто смерть приноситъ,
На смерть благословить!

Когда глаза твои закрыты
И спитъ твоя душа
Легко благословить на подвигъ
Китайца, Ингуша —
Тогда ни вопли, ни страданья
Тебя не устрашатъ!

Но, если день возстанья слаще
Тебѣ спокойныхъ дней,
И ты благословилъ возстанье —
Иди и самъ убей!
Безъ крови не порвать во вѣки
Заржавленныхъ цѣпей...

Иль пусть приходитъ, что приходитъ!
Что намъ земная власть?
Всегда одно и то же солнце,
Одна и та же страсть...
И такъ же хорошо, уставши
Въ лѣсной травѣ упасть...

Мартъ, 1919.

ТРІОЛЕТЪ.

Душа моя поражена
Тревогой смертной. Все напрасно.
Опустимъ молча знамена.
Душа моя поражена
И ждетъ кончины ежечасно.
Потушимъ тихо факелъ красный
Душа моя поражена
Тревогой смертной. Все напрасно.

Лѣто, 1918

РИВѢ.

Намъ осталось жить не долго,
Рива.
Пала подъ ударомъ Волга,
Рива.
Люди добиваютъ павшихъ,
Рива.
Смерть не страшна для уставшихъ,
Рива.
И душа моя спокойна,
Рива.
Хорошо быть юной, стройной,
Рива.
И пустить, развѣять косы,
Рива.
И ходить нагой и босой,
Рива.
И тобою быть любимымъ,
Рива.
Смерть близка, — неотвратима,
Рива.

Іюль, 1919.

МОСКВА.

Вотъ, когда кружится снѣгъ,
Замерзаетъ человѣкъ,
Божій.
И когда придетъ зима
Мы умремъ съ тобой, Кузьма,
Тоже...
Для того, чтобъ умереть,
Нужно денежекъ имѣть,
Много.
Передъ тѣмъ, какъ умирать,
Надо очередь держать
Строго.
А пока печаль - тоска
Поѣдаетъ бѣдняка,
Гложетъ,
И когда придетъ зима
Мы умремъ съ тобой, Кузьма,
Тоже...

1918.

ПОБѢГЪ.

Уже клонились иды марта
　　　К концу.
Все чаще приближалъ я карту
　　　Къ лицу
Тамъ, гдѣ течетъ изгибомъ Сена,
　　　Парижъ.
О неужели ты изъ плѣна
　　　Бѣжишь?
Мой сторожъ смерть, и злое лихо
　　　Не спятъ,
Но я волью въ бокалы тихо
　　　Имъ ядъ.
И поверну въ замкѣ ржавѣломъ
　　　Ключи.
Теперь до дальняго предѣла
　　　Скачи!
Пока ты не минуешь хаты
　　　И снѣгъ
Направь на западъ конь крылатый
　　　Свой бѣгъ.
Туда, гдѣ протекаетъ Сена,
　　　Въ Парижъ.
О неужели ты изъ плѣна
　　　Бѣжишь?

31 марта, 1919.

РОНСАРУ.

Воображаемыхъ любовницъ имена
Ты славилъ въ каждымъ изъ твоихъ сонетовъ,
Но бѣднаго оглохшаго поэта
Изъ нихъ не полюбила ни одна.

И лишь когда прошла твоя весна,
И кончилось твое златое лѣто —
На склонѣ лѣтъ явилась у поэта
Подруга кроткая и вѣрная жена.

Такъ видно мнѣ положено судьбой
До самой смерти раздѣлять съ тобой
Свинцовый, хладный мракъ уединенія,

И изрѣдка любовницамъ на часъ,
За десять франковъ пріютившимъ насъ,
Дарить восторгъ и радость вдохновенья.

1915.

„..И ты отъ гнѣва
содрогнешься.

***

Нѣтъ, отрекаюсь! Не еврей,
Не братъ замученныхъ страдальцевъ!
Я жилъ вдали отъ страшныхъ дней,
Безкровныхъ лицъ, безкровныхъ пальцевъ
Теперь жалѣй иль не жалѣй,
Но я не братъ нѣмыхъ страдальцевъ...

Но вы, которые съ крестомъ
Рукою пьяной горло жали,
Потомъ — молилися, потомъ
Дѣтей о камни разбивали,
Хотѣлъ бы я въ порывѣ зломъ,
Чтобъ вы съ искривленнымъ лицомъ
Такія жъ муки принимали!

1914.

⁂

Израиль, ты меня распялъ
И предпочелъ Христу — Вараву;
И я изъ рукъ твоихъ пріялъ
Конецъ мучительный и славу.
Я былъ Еврей... Ты не узналъ.,,
И предпочелъ Христу — Вараву.

За то, что я хотѣлъ смягчить
Законъ суровый Іеговы.
И ближняго любить и чтить —
Ты заковалъ меня въ оковы
За то, что я хотѣлъ смягчить
Законъ суровый Іеговы.

Съ тѣхъ поръ я видѣлъ, какъ Вы шли
Въ долинѣ скорби и страданья,
Какъ Васъ терзали, гнали, жгли,
Какъ ты ослабъ живя въ изгнаньи,
Мой братъ, растоптанный въ пыли,
Въ долинѣ скорби и страданья.

Я видѣлъ, какъ несли мой ликъ
Передъ толпой во время боенъ,
Какъ жалобно кричалъ старикъ
И какъ убійца былъ спокоенъ....
И я проклялъ мой кроткій ликъ
И пожалѣлъ, что я — не воинъ.

1914.

РОССІИ.

Я былъ влюбленъ въ твои поля,
Душа была пьяна отъ снѣга...
Земля былинъ — земля Олега
Была тогда моя земля.
Но съ дѣтства научившись знать
Презрѣнье ядовитѣй яда,
Что жалкому еврею надо
Покорно голову склонять,
И ненавидѣть и молчать,
И ненавидѣть и таиться,
До часа пока смерть склонится
И сниметъ Каина печать...
Нѣтъ, никогда! Нѣтъ, никогда,
Я не смогу забыть позора!
Съ тѣхъ поръ прошли уже года,
Но даже и теперь всегда,
Мнѣ снится бѣшенная свора.
И даже среди мирныхъ дней
Душа наполнена испугомъ,
И даже съ самымъ лучшимъ другомъ
Не въ силахъ я забыть о ней:
Онъ — христіанинъ, я — еврей!

Парижъ, 1914.

***

Уйди, оставь меня въ тѣни,
Дай пить страданіе земное.
Передъ тобою крестъ возникъ —
Ты причащалась, Арсиноя!

А я — языческій поэтъ,
Принявшій свѣтъ отъ Юліана.
Еще зіяетъ страшный слѣдъ
Недавно нанесенной раны;

А я — языческій поэтъ,
Проклявшій бракъ креста и крови!
Еще не стерся алый слѣдъ
На бѣлой ткани изголовій...

Тобой несовершенный грѣхъ
Въ тебя проникъ незримымъ ядомъ,
Когда, склоненная средь всѣхъ,
Съ убійцами молилась рядомъ.

1920.

Россіи.

Проснулась старая вражда
Къ чужой, жестокой расѣ.
Я тщетно воскресенья ждалъ —
Мой опытъ былъ напрасенъ.
А былъ прекрасенъ первый летъ
И красныя полотна,
Когда растаялъ крѣпкій ледъ
Подъ солнцемъ мимолетнымъ.
И я чудакъ не могъ отвесть
Восторженнаго взора...
Но скоро докатилась вѣсть
Бывалаго позора.
Такъ видно намъ не по пути —
Твоя рука — багрова!
А я чудакъ — хотѣлъ простить
Въ день радостный и новый!

Апрѣль, 1919.

КРАСНЫЙ ЗНАКЪ БЕЗЖАЛОСТНЫХЪ РАСПЛАТЪ.

ЕЛЕНѢ Ц.

Знай, что если разорятъ до тла
Все, чѣмъ эта жизнь тебя влекла,

Если платья и мѣха сгорятъ,
И порвутъ вѣнчальный твой нарядъ,

Это я на взмыленномъ конѣ
Появлюсь внезапно весь въ огнѣ,

Это я направилъ нищихъ рать
У богатыхъ деньги отбирать,

Это я счастливымъ смерть несу!...
Какъ теперь продать свою красу?

Можетъ быть, у толстыхъ жениховъ,
Кромѣ денегъ, много есть стиховъ?

Можетъ быть, присядутъ женихи
И прочтутъ тебѣ свои стихи?

Я не буду третьимъ на пиру, —
Продолжайте нѣжную игру!

Мнѣ пора съ ватагой на покой,
Послѣ бурной ноченьки такой.

Не браните крѣпко, господа,
Мы къ услугамъ вашимъ — завсегда!

Мартъ, 1919.

М. Г.

Если-бъ я родился на полу
Зимнимъ вечеромъ въ нетопленномъ подвалѣ,
Если бы въ трактирѣ на углу
Моего отца всю ночь искали;

Если бы потомъ, придя домой,
Отъ хмельного пьянаго угара,
Онъ принесъ бы для жены больной
Нѣсколько конфектъ и пряникъ старый;

Если бы потомъ я сталъ большимъ
Мальчикомъ развратнымъ и упорнымъ;
Если слабые глаза съѣдалъ бы дымъ
Изъ гигантскихъ трубъ—чудовищъ черныхъ;

Если бы я поздно у станка
Валъ вертѣлъ до судорогъ, до рвоты,
Засыпалъ и ждалъ во снѣ звонка
И конца мучительной работы,—

То однажды, ночью, воротясь
Въ мой холодный уголъ для ночлега,
Я бы стеръ съ лица поспѣшно грязь,
Подобравъ съ земли немного снѣга.

И, сорвавъ со стѣнки ремешокъ,
И стянувъ худой животъ поуже
Положилъ бы въ маленькій мѣшокъ
Черствый хлѣбъ — весь мой голодный ужинъ,

И пошелъ-бъ туда, гдѣ яркій свѣтъ,
Гдѣ гуляютъ люди до разсвѣта,
Гдѣ въ витринахъ — шоколадный дѣдъ
И въ цвѣтныхъ коробочкахъ конфекты, —

И тогда — за сладострастный бредъ,
За любовницъ въ шелковыхъ корсетахъ,
За небрежно брошенный букетъ, —
Я бы у нихъ потребовалъ отвѣта!

И тогда — за каждый сытый взглядъ,
За вино, за бѣлизну постели, —
Красный знакъ безжалостныхъ расплатъ
Я бы оставлялъ на каждомъ тѣлѣ.

1917.

Парижъ.

***

Усталый, измученный фатъ,
Развратныхъ парижскихъ предмѣстій
Я встрѣчамъ случайнымъ не радъ,
Не радъ я случайной невѣстѣ...
Меня обжигаетъ взглядъ
Женщинъ, забывшихъ о чести!
Самца на звѣриной охотѣ,
И ты меня снова зовешь
Пока моя совѣсть въ дремотѣ!
Палящимъ дыханіемъ плоти.
Веди же меня на правежъ,
И снова знакомая дрожь
Я знаю, какъ сладокъ уютъ
Съ любимой и вѣрной женою,
Какъ нѣжныя руки возьмутъ,
Какъ нѣжныя руки укроютъ...
Зачѣмъ же неистовый блудъ
Всегда неотступно со мною!
Усталый, измученный фатъ
Развратныхъ парижскихъ предмѣстій
Я встрѣчамъ случайнымъ не радъ,
Не радъ я случайной невѣстѣ...
Меня обжигаетъ взглядъ
Женщинъ, забывшихъ о чести!

1917.

МОЕМУ ДРУГУ ЖЕНѢ Р.

Что думалъ ты, когда спускалъ курокъ,
Мой милый другъ, мой незабвенный Женя?
Ты выбралъ путь извилистыхъ дорогъ
И непомѣрно острыхъ наслажденій.
И каждый день, вдыхая новый граммъ,
— Еще одну губительную дозу —
Ты отходилъ отъ насъ къ инымъ мирамъ,
Безвольный плѣнникъ душного наркоза.
Я знаю — всѣмъ поэтамъ суждено
Тоску земную заглушать въ вертепѣ,
Насъ всѣхъ сразитъ эфиръ или вино,
Иль огненный коньякъ насъ всѣхъ ослѣпитъ.
Но мы живемъ, пока живетъ луна
На улицахъ Берлина и Парижа;
Пока поэтовъ плоть обожжена
Палящимъ взоромъ Афродиты Рыжей;
Пока влечетъ душистый, алый ротъ;
Пока реветъ глухой потокъ вокзаловъ;
Пока, входя въ людской водоворотъ,
Намъ кажется, что въ немъ движенія мало;
Пока улыбки шлютъ намъ со стѣны
Воздушныя танцовщицы Дегаза...
Но будетъ день. И канетъ дискъ луны
И лихорадочный восторгъ экстаза.
Зачѣмъ же ты меня опередилъ,
Предавшись рано чарамъ кокаина?
Вѣдь не погасъ же свѣтъ нѣмыхъ свѣтилъ
На улицахъ Парижа и Берлина!...

Февраль, 1919.

Испытываю сладостный
покой.

***

Испытываю сладостный покой,
Забвеніе Діонисійской бури,
Такъ вѣрно пѣлъ Петрарка и Лаурѣ,
Какъ я пою о тишинѣ земной.

Я цѣлый день съ невѣстой — тишиной
Пью сладкій сокъ безмолвныхъ винокуренъ
И засыпаю подъ шатромъ лазури,
Какъ первобытный беззаботный Ной.

Покой, покой, дороже всѣхъ утѣхъ!
И я съ тоскою дуамю о тѣхъ,
Кого сжигаетъ ненависти пламя...

Совсѣмъ недавно былъ и я такимъ,
Но прошлое уже окуталъ дымъ,
И только изрѣдка тревожитъ память.

***

Да! Послѣ крови — вдругъ покой,
Вино, кафэ, гдѣ много свѣта!
Парижъ — по прежнему — родной...
Да! Послѣ крови — вдругъ покой
И звонъ бокаловъ до разсвѣта!..
Согрѣй продрогшаго поэта...
Да! Послѣ крови — вдругъ покой,
Вино, кафэ, гдѣ много свѣта...

—1918.

***

Идетъ послѣдняя зима,
Послѣднiй годъ кровавой вьюги.
Весной откроется тюрьма.
Идетъ послѣдняя зима —
Я буду вновь весной на югѣ:
Вино, тепло, друзья, подруги...
Идетъ послѣдняя зима;
Послѣднiй годъ кровавой вьюги!

—1918.

Ю. Р.

Ты ловишь мысли на лету,
Обрывки чувствъ, обрывки знаній...
А я храню одну мечту
И предаю мой духъ Нирваннѣ.
И ты пришелъ... Нарушилъ строй
И помѣшалъ свершать обряды...
Мой другъ! Ищи, какъ я! Открой
Земные потайные клады!
Ихъ много; и они даютъ
Успокоенее и терпѣнье
Сносить и повседневный трудъ
И повседневное лишенье.
И, можетъ быть, и ты поймешь,
Что было правдой и что — ложно,
И ядъ сомнѣнья не прольешь
Въ сердца рукой неосторожной.

Февраль 1920.

Ф. СОЛОГУБУ.

Я весь пропитанъ тихимъ свѣтомъ
Твоихъ лучей,
Да! Все-жъ отрадно, быть поэтомъ
Среди людей.
И если жизнь ударитъ грубо
Вдоль по плечу,
Я вспомню скорби Соголуба
И промолчу.
Я знаю, что къ послѣдней грани
Ты подошелъ,
И былъ смертельно, тяжко раненъ
И изошелъ;
А мнѣ еще идти далече
До той черты.
Такъ бей судьба нагія плечи
Сжигай мечты.
Передо мной твои примѣры,
Твоя судьба
Не разобью я въ полдень сѣрый
О камень лба.

31 марта, 1919.

***

Еще не поздно еще возможно
Спасти меня;
Приди неслышно и осторожно
На склонѣ дня...
Сначала будь мнѣ только другомъ,
Будь мнѣ сестрой...
Я боленъ тяжкимъ и злымъ недугомъ,
Болѣзнью злой.
Чтобъ ожидивить пустыя вены —
Вновь оживить —
Учи не сразу, а — постепенно,
Меня любви;
Чтобъ темный образъ Арэтина
Вновь не возсталъ —
Цѣлуй, сестра, легко, невинно
Мои уста,
И можетъ быть, я вновь открою,
Что счастье есть
Съ тобою кроткою женою
Покой обрѣсть!

Мартъ 1919.

ИСЦѢЛЕНІЕ.

Былъ въ сердцѣ жаръ невыносимый,
Преступный жаръ,
И вотъ спустились серафимы
Тушить пожаръ, —
Окутали прохладнымъ свѣтомъ
Они костеръ,
И кто-то бѣлый, на мѣстѣ этомъ
Слѣды всѣ стеръ;
И положилъ благоуханный
Туда цвѣтокъ
И погрузили живыя раны
Въ прозрачный токъ
И голубая заструилась
По венамъ кровь...
И тихая ко мнѣ явилась
Тогда любовь.

Мартъ 1919.

Чтобъ испытать блаженство сна морского,
Чтобъ воздухомъ соленымъ снова жить,
Какъ Джіакомо Казанова
Я долженъ плотью плоть заворожить.
И лишь когда послѣднія тревоги
Рукой покоя будутъ сметены,
Когда сойдутъ съ лица ожоги
Зеленыхъ глазъ и бѣшенной слюны, —
Я буду плыть до дальняго предѣла,
Читая въ небѣ вѣщія слова,
Что — на водѣ мое погибнетъ тѣло,
И что родился я подъ знакомъ Льва!

Лѣто, 1918.

ВЕСНА.

Смотри! Вотъ и весна опять!
А ты отчаивался, глупый.
Ты думалъ — шубы и тулупы
Намъ больше никогда не снять.
Но Что-то кончилось во мнѣ...
И я уже другой — не прежній...
Все безысходнѣй, безнадежнѣй
Звучатъ напѣвы о веснѣ.
Спасибо всѣмъ вамъ за тепло —
Такъ безъ привѣта день нашъ скученъ.
Но темной грозовою тучей
На душу горе налегло.
Что намъ осталось? Созерцать...
Вотъ наша тихая отрада,
И старческое сердце радо,
Что рады юныя сердца.

20 Марта, 1919.

АСѢ.

Я не забуду первый мой полетъ.
Да, цѣпененья мигъ прекрасенъ!
Я цѣловалъ полуоткрытый ротъ
Покорной и безмолвной Аси.
Я не забуду заводь синихъ глазъ
И ощущенье смертнаго покоя...
Такъ чувствовалъ, быть можетъ, водо-
лазъ,
Сходя съ поверхности на дно морское.
Меня плѣнила блѣдность дѣтскихъ щекъ
И сладкій запахъ хлороформа,
Земныхъ страстей послѣдній день истекъ,
Душа покинула тебя, земная форма.
Такъ пусть на улицѣ кровавый день на-
сталъ —
Мигъ цепѣненія прекрасенъ!
Я цѣловалъ холодныя уста
Покорной и безмолвной Аси.

Мартъ 1919.

ПАЛЕСТИНА.

Виноградныя поля и вина,
И долины тихія кругомъ...
Ты усталъ страдать вѣка безвинно
Вѣчный странникъ ты обрелъ свой домъ.
Здѣсь тепло и пахнетъ апельсиномъ
Сядемъ отдохнемъ.
Тяжело больной на прибережной дачѣ
Тяжело больной.
Онъ не вѣритъ тишинѣ и плачетъ,
И въ душѣ покой
Чей ребенокъ на конѣ тамъ скачетъ? ,
Это мальчикъ твой.
И старикъ киваетъ тихо сыну
Головой больной.
Виноградные поля и вина,
Тишина и зной...
Здѣсь тепло и пахнетъ апельсиномъ.
Боже мой,
Я еще готовъ страдать вѣка безвинно!
Свѣтлая Родная Палестина.

1915.

*
**

Мы сѣли медленно за столъ,
Предъ нами хлѣбъ, немного соли.
Ты только что домой пришелъ,
Ты цѣлый день работалъ въ полѣ.
И позабыли мы съ тобой
Мѣха, снѣга, поля и сани
Здѣсь тишина, покой и зной
И мы съ тобой Израильтяне.
Ты сталъ смѣлѣй, живѣй, добрѣй
Среди полей, цвѣтовъ и злаковъ
Теперь я гордъ, что я Еврей
И что отцомъ намъ былъ Іаковъ.
Здѣсь зной, покой и тишина
Да будутъ всѣ благословенны
И та страна, гдѣ былъ я плѣннымъ —
Моя любимая страна!

1915.

МОСКВА.

Однимъ порывомъ
    Спасать Москву,
Что надъ обрывомъ
    Клонитъ главу.
Холи, крестянинъ,
    Въ землѣ зерно:
Въ дни испытаній
    Всѣ за одно!
И ты, рабочій,
    Чини мосты,
Чтобъ снѣжной ночью,
    Ты не застылъ,
Чтобы морозы
    И вѣтеръ зля,
Шли паровозы
    Изъ странъ угля.
Однимъ порывомъ
    Спасать Москву,
Что надъ обрывомъ
    Клонитъ главу.

Весна, 1919.

Цѣна 10 фр.